

王利

На правах рукописи

Ван Ли

**Цам в контексте этнокультурных традиций
Внутренней Монголии Китая**

Специальность 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Санкт-Петербург – 2025

Работа выполнена на секторе фольклора в Федеральном государственном бюджетном научно-исследовательском учреждении «Российский институт истории искусств»

Научный руководитель: **Глазунова Наиля Нигматовна**
кандидат искусствоведения, профессор

Официальные оппоненты: **Буксикова Ольга Борисовна**
доктор искусствоведения, профессор,
профессор кафедры хореографического творчества
Государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Белгородский государственный институт искусств
и культуры»

Булгакова Татьяна Диомидовна,
доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры этнокультурологии
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«**Академия Русского балета**
имени А. Я. Вагановой»

Защита состоится 25 июня 2025 года в 14 часов на заседании диссертационного совета 23.1.015.01 на базе Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский институт истории искусств» по адресу: 190000, г. Санкт-Петербург, Исаакиевская площадь, д. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Российский институт истории искусств» и на официальном сайте <http://artcenter.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат искусствоведения

Булатова Динара Айдаровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Цам (чам)¹ имеет многовековую историю и является уникальным религиозным ритуальным действием тибетских монастырей. С точки зрения художественных форм, цам включает в себя хореографию, музыку, костюмы и маски с позиции его изначального религиозного содержания.

Религиозно-культурный феномен действия Цам, зародившийся в период активной экспансии буддизма на Тибетское нагорье, есть плод длительного взаимодействия и взаимопроникновения архаичных верований автохтонной традиции *бон* и догматов махаянского буддизма. Эта мистерия, являясь выдающимся примером религиозно-художественного синкретизма в становлении тибетской культуры, со временем вобрала в себя всё более утончённые философские и обрядовые компоненты. Особого расцвета Цам достиг в рамках школы Гелук (XV–XVI вв.), отличающейся особым вниманием к эстетике культовой практики, её торжественности и символизму. Именно представители школы Гелук, широко распространившейся не только в Тибете, но и за его пределами – в Китае, Монголии, Внутренней Монголии КНР, а также в российских регионах с буддийской традицией (Бурятия, Тыва, Калмыкия), – способствовали превращению Цама в грандиозное массовое действо, укреплявшее религиозную веру в традиции буддизма и передававшее канонические мифологемы тибетского буддизма в доступной и зрелищной форме. Со второй половины XV века буддийские монастыри становятся очагами интеллектуальной и духовной жизни этих стран. Внутреннее убранство монастырей, праздничное одеяние лам, ритуальные маски, надеваемые во время праздников, и, особенно, музыкальное и танцевальное сопровождение действия привлекали прихожан в храмы.

Цам, сформировавшийся среди монголов Внутренней Монголии КНР² (в монгольском произношении: чам), представляет собой религиозно-культурный

---

¹ Цам (тиб. *cham*; монг. чам, игра, танец) – в российском востоковедении сложилась традиция использования названия мистерии в русскоязычной форме «цам». В своей работе мы также будем следовать этой традиции.

² Внутренняя Монголия – автономия в составе Китая, одна из наиболее крупных его провинций. Согласно китайским официальным документам, независимость Монголии была провозглашена в 1946 году. В 1947 году был основан Автономный район Внутренняя Монголия, ставший первым национальным районом, созданным Коммунистической партией Китая. Большая часть жителей Внутренней Монголии – ханьцы. Вторыми по численности являются монголы.

феномен, испытавший значительное влияние тибетского цам, но обладающий особой спецификой, даже по сравнению с монголами независимого государства Монголии, отличающимися этническим составом, языковыми диалектами, письменностью, социально-общественным укладом жизни. Несмотря на общие корни, различия между, в общем-то, одним народом, довольно сильны. Деление на Внутреннюю и Внешнюю Монголию появилось в официальных документах в период династии Цин – последней императорской династии в истории Китая (1644–1912 гг.). Большая часть монголов Внутренней и Внешней Монголии исповедовали буддизм, устраивались большие буддийские богослужения и проводилась мистерия цам. Во времена Великой культурной революции в Китае (1966–1976) большинство монастырей и храмов Внутренней Монголии были разрушены, монгольский буддизм пришел в упадок, а мистерия цам практически исчезла. Тем не менее монгольским ламам удалось не только сохранить цам в сложившейся ситуации, но и впоследствии развить его до того состояния, в котором он находится сейчас.

В настоящее время в научной и общественной среде наблюдается активизация интереса к изучению буддийской традиции на территории Внутренней Монголии Китайской Народной Республики, что обусловлено её фундаментальной ролью в формировании культурной идентичности и социальной структуры монгольского этноса. Религиозно-философские установки буддизма на протяжении длительного исторического периода оказывали определяющее влияние на процессы этнокультурной консолидации, развитие обрядовой практики и символического мышления в данном регионе. Особое внимание в современных исследованиях уделяется таким феноменам, как цам – ритуально-театрализованному действию, которое в настоящее время рассматривается не только как религиозный обряд, но и как значимый элемент нематериального культурного наследия монголов Внутренней Монголии.

Цам Внутренней Монголии, рассматриваемый в контексте тибетской буддийской традиции, предстает как особая синкретическая форма религиозного зрелищного искусства, испытавшая определенное влияние монгольских этнокультурных особенностей, в частности, шаманизма. Прежде всего, изменения претерпели сюжеты, лежавшие в основе монгольского цам, повлиявшие на маски и соответственно на специфику танцевальных движений. Внутреннее убранство буддийских монастырей, пышное одеяние монахов, красочные ритуальные маски, используемые во время представления и

музыкальное сопровождение мистерии производили огромное эмоциональное впечатление на простых верующих. Отметим, что мистерия цам как составная традиция буддизма в форме ритуального представления является одним из особых тантрических методов, ведущим к достижению конечной цели для любого буддиста – просветлению. Как отмечают современные буддологи, одним из главных принципов буддийских школ является невербальная («от сердца к сердцу») передача метода просветления от самого Будды до современных носителей религиозной традиции буддизма³². Если интерпретировать это понятие в терминах современной психологии, то его следует рассматривать как особый вид измененного состояния сознания, достигающегося с помощью различных форм медитации: как внешне пассивных, так и активно-динамических – ритуального танца с элементами вращения, громких ударов ног, резких остро ритмизованных звуков духовых инструментов, использования ударных инструментов и своеобразных поединков в форме различных видов рукопашного боя, фехтования различными предметами (от бамбуковых палок до боевых мечей) и т. д.

Степень изученности темы исследования. Ритуал цам широко исследовался в трудах российских, китайских, монгольских и западных ученых. Классические работы А. М. Позднеева (1880, 1887), Б. Барадийна (1909), Н. П. Шастиной (1935, 1974), В. Форманна (1967), Р. А. Стейна (1972) и В. Хайсика (1989) до сих пор сохраняют актуальность в буддологии, тибетологии и монголоведении. Современные исследователи, такие как А. Кимура (1997), Эрдэни (1997), А. Барежа-Старжински (2012), К. Телеки (2013), А. Кольмар-Пауленз (2015) и Б. Мунунчимэг (2015), анализируют различные аспекты мистерии цам, однако недостаточно рассматривают его художественную эстетику и философию буддийского учения. Исключением является статья А. Д. Цендиной «История Цама в Монголии», в которой вводятся в научный оборот рукописи настоятеля монастыря Гандан (г. Улан-Батор) габджу Эрдэнипэла (1877–1960). В этом источнике кратко повествуется история распространения цама в Монголии и приводится список монастырей с указанием тех видов мистерии цам, которые в них проводились.

---

³ Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Азбука-классика, 2007. 427 с.

В последние годы появились работы, рассматривающие цам как мистериальное театральное представление. Важный вклад в это направление внесли В.М. Абзаев (1990), В. Ц. Найдакова (1997), В. М. Асалханова (2005), З. Батсухийн (2006), С. Батнасангийн (2009), И.В. Батинова (2012), А.А. Жигмитова (2020).

В исследовании Баяра «Собрание священных текстов Цам на монгольском языке храма Мерген Дзу» (1990) представлена уникальная информация о местных особенностях ритуала.

Среди китайских исследований стоит отметить труды Ляо Дунфаня (2008) и Го Цзина (1998), которые анализируют религиозные и философские аспекты цамы в контексте тибетского эзотерического буддизма. Музыкальный и танцевальный аспект цамы исследуются в работах Тянь Ляньтао (2000) и Юань Хэ (2011). Научный интерес к мистерии цам в Китае проявляют в последнее время не только искусствоведы и историки культуры, но и историки буддизма и религиоведы. За последние два десятилетия в Китае защищено несколько диссертационных работ, касающихся данной научной проблемы: Хэ Сюань (2018); Бай Мацо (2005); Ян Юйчжо (2018); Вань Дайцзи (2006) и др., и расширяющие понимание музыкального, танцевального и философского контекстов ритуала. Среди исследований цам, выполненных современными европейскими специалистами, следует указать на статью Люция Галли (2009) и диссертационную работу М. Мрозински «Искусство, ритуал и репрезентация: исследование роли танца Цам» (2008).

Таким образом, процесс современного исследования тибетского цамы и его разновидности монгольского цамы носит комплексный и глубокий характер. Это обеспечивает будущие исследования богатой и достоверной литературой, а также закладывает прочную основу для дальнейшего изучения цамы. Однако, несмотря на наличие обширной литературы на монгольском, китайском, тибетском, русском и западноевропейских языках, до сих пор недостаточно раскрыты многие художественные и религиозные аспекты ритуала цамы. Остается мало изученным, в частности, цам Внутренней Монголии КНР. Автор диссертации стремится восполнить этот пробел, предлагая комплексный анализ монгольской адаптации во Внутренней Монголии Китая тибетского ритуала, его культурной значимости и художественной ценности.

Актуальность исследования определяется необходимостью выработки искусствоведческого подхода к изучению религиозно-культурного феномена

цам, объединяющего такие виды искусств как танцевальное, музыкальное, театральное, декорационное, искусство пантомимы, и обусловлена потребностью в разработке методологии комплексного искусствоведческого исследования мистерии цам, что позволяет выявить и проанализировать его системообразующие признаки, влияющие на выбор художественных средств выразительности и образную структуру цама, в том числе среди монголов Внутренней Монголии КНР.

Объектом исследования является тибетский ритуал Цам в контексте этнокультурных традиций монголов Внутренней Монголии.

Предмет исследования – художественные, религиозные и культурные аспекты ритуала Цам монголов Внутренней Монголии КНР, его символика, музыкальное сопровождение, костюмы и маски.

Целью настоящего исследования является комплексное искусствоведческое исследование художественно-символической составляющей ритуала Цам как значимого компонента буддийского религиозно-культурного наследия; определение художественной специфики, символического и культурного содержания, особенностей развития цам Внутренней Монголии. Дополнительно в рамках работы рассматривается влияние буддийской традиции на процессы формирования и трансформации культурной идентичности монгольских народов, включая территории с устойчивой буддийской практикой – Республики Бурятия, Тыва и Калмыкия.

Задачи исследования:

- рассмотреть Цам как религиозную практику для каждой школы буддизма (название, состав участников, формы представления и религиозное содержание);
- выявить многообразие форм искусства, представленных в практике Цама, художественные элементы, присутствующие в ритуальной мистерии и разных формах народной культуры;
- проанализировать особенности специализированных танцев Цама, пения, игры на музыкальных инструментах, символическое значение масок и костюмов, законов цвета;
- определить этностилевые особенности и художественный язык мистерии; общность художественных средств, создающих целостность мистериального действия;
- исследовать ритуальную структуру Цама и ее соотношение с театрализованной формой мистерии;

- проанализировать роль буддийской традиции в процессе формирования универсальных основ этнокультурной идентичности монгольского населения Внутренней Монголии;

- определить степень влияния буддийской традиции на формирование культур Монголии, Бурятии, Тывы и Калмыкии.

Научная новизна заключается в том, что

- впервые рассматривается процесс формирования, этапы развития и современное состояние Цама среди монголов Внутренней Монголии КНР;

- введены в научный оборот ранее не изученные архивные материалы, расширяющие представления о монгольской адаптации Цама и его значении в культурном наследии региона;

- разработаны методологические принципы анализа тибетского Цама как базового для культур, воспринявших буддизм, сочетающие научный, религиозный и художественный типы описания;

- проанализирован Цам как произведение искусства, с присущими ему этнохудожественными особенностями;

- использован подход психопрофилактического опыта: цам рассматривается как определенное состояние измененного сознания, которое достигается разными формами медитативной практики;

- выявлены и введены в научный оборот не известные ранее в русскоязычном искусствознании специальные трактаты, связанные с исследованием цама в буддийской литературе, а также источники, посвященные данной проблеме на китайском, монгольском, тибетском языках, в том числе архивная литература тибетских и монгольских храмов.

Материалами диссертационной работы, наряду с указанными источниками и научной литературой, послужили фото- и видеозаписи храмовых мистерий Цам, хранящиеся в монастырях Тибетского автономного района и Внутренней Монголии Китая, а также полевые исследования, предпринятые диссертантом – интервью с ламами, записанные во время посещения соискателем в разные годы дацанов Тибета, Внутренней Монголии КНР, Китая, а также Калмыкии; описание, собственные фото- и видеозаписи храмовых мистерий, участие в росписи и отделке храма Булэг (Внутренняя Монголия) во время пребывания там в июне-августе 2023 г.

Методологическая основа исследования включает междисциплинарный подход, сочетающий искусствоведческий, исторический, культурологический и

антропологический ракурсы анализа. В процессе исследования использовались как общенаучные методы – анализ, синтез, наблюдение, интервьюирование, – так и специальные: метод комплексного изучения источников (включающих искусствоведческие, философские, исторические и психологические материалы), типологический и феноменологический методы. Исследование опирается на фундаментальные научные принципы объективности, историзма, а также системно-аналитический подход, что обеспечило всестороннее рассмотрение процессов становления тибетского буддизма, формирования его школ и закрепления мистерии цам как культовой практики. Применение указанных методов позволило выявить исторические и логико-культурные предпосылки распространения данного феномена в среде других этносов.

Теоретическая значимость заключается в расширении знаний о ритуале цам и его адаптации в монгольской культуре. Полученные в ходе исследования материалы позволяют рассматривать мистирию цам не только в контексте религиозного ритуала, но и как значимое явление национальной культуры, обладающее выразительными характеристиками, присущими сценическим формам искусства. Такой подход способствует более глубокому осмыслению цамы как комплексного культурного феномена, отражающего синтез сакрального и художественного начал.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности применения его результатов в рамках культурных, образовательных и музейных инициатив, а также при разработке программ, направленных на укрепление межкультурного диалога. Отдельные положения и выводы работы могут быть интегрированы в содержание учебных дисциплин, посвящённых истории буддизма, культуре и искусству народов Центральной Азии. Кроме того, наблюдения и заключения, сформулированные в процессе исследования, представляют интерес для практиков в сфере современного национального искусства, особенно в контексте актуализации и корректного использования традиционных форм, символики и выразительных средств при создании сценических интерпретаций и художественных стилизаций.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Мистерия цам представляет собой уникальный феномен религиозного искусства, в котором синтезированы сакральные установки тибетского буддизма и культурно-художественные формы сценического

действия, отражающие духовные и этнические особенности народов Центральной Азии.

- Ценность цама как формы художественного выражения заключается в совокупности его эстетических компонентов: ритуального танца, музыкального сопровождения, символики костюмов и масок, образующих комплексный культурно-образный ряд с глубокой семантической нагрузкой.

- Буддийская традиция сыграла ключевую роль в формировании этнокультурной идентичности монголов Внутренней Монголии, обеспечив духовное единство, преемственность поколений и устойчивые формы религиозно-культурной практики.

- Цам во Внутренней Монголии КНР представляет собой институционализированный элемент национальной культуры, включающий в себя устойчивые исполнительские традиции, национальную хореографическую школу, мифологизированный репертуар, сакральную образность, оригинальные визуальные коды (маски, костюмы) и сложившуюся культурную среду потребления ритуала.

- История развития Цама демонстрирует реализацию принципа культурной преемственности в широком историко-хронологическом контексте – не только внутри поколения, но и в рамках «большого времени», где традиция не законсервирована, а адаптирована и активно функционирует в современных социокультурных условиях.

- Развитие форм и типов Цама в различных школах тибетского буддизма обусловлено как социокультурной средой, так и доминирующим положением Учителя в структуре передачи знаний и обрядовых практик, что определяет уникальность каждой школы и её трактовку мистерии.

- Цам трансформировался в символ тибетского буддизма, став не только религиозным ритуалом, но и медиативной формой, соединяющей сакральные и светские аспекты культуры, что подчёркивает его значимость как связующего звена между духовной традицией и актуальными культурными процессами.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на секторе фольклора Российского института истории искусств. Основные положения, выводы и результаты исследования изложены автором в ряде публикаций, в том числе, в изданиях рекомендованных ВАК при

Минобрнауки России. Результаты проведенных исследований были апробированы на научных мероприятиях международного и всероссийского уровня: IX Международная школа молодых фольклористов. «Традиционная культура: творчество, поведение, ритуал» (12–16 ноября 2020 г., Санкт-Петербург, Россия); XLIV Межвузовская научно-практическая конференция «Методология современного театроведения» (25 апреля 2022 г., Москва, Россия); X Международная школа молодых фольклористов (10–12 ноября 2022 г., Санкт-Петербург, Россия); Всероссийская онлайн межвузовская научно-практическая конференция «Художественные практики и арт терапия в психиатрии» (16 марта 2023 г., Москва, Россия); Международный научный конгресс «Традиционная музыкальная культура: историко-археологический аспект» (21–23 октября 2024 г., Санкт-Петербург, Россия); XXV Всероссийская научная конференция «Полевой сезон фольклористов» (12–13 марта 2025 г., Санкт-Петербург, Россия).

Структура диссертации продиктована задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, поделенных на разделы, заключения, библиографического списка литературы на русском, китайском, монгольском, тибетском и западноевропейских языках (218 наименований), архивных источников, интервью. Приложение содержит иллюстративный материал, словарь терминов и имен, тексты бесед с ламами.

Основной текст диссертации составляет 188 с., общий объем диссертации 222 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, степень изученности проблемы, определяются объект, предмет, цель, задачи диссертации, источники и материалы. Обозначены новизна, теоретическая и практическая значимость проводимой работы, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Социально-исторические условия возникновения тибетского цампа посвящена анализу социально-исторических условий, которые привели к возникновению ритуала цам в тибетских монастырях. Буддизм проник в Тибет в VII веке, но окончательно укоренился лишь к IX–X векам, претерпев значительные изменения. Он впитал в себя элементы традиционной тибетской религии *бон*, а также китайского и индийского буддизма. Этот процесс сопровождался не только изменением религиозных представлений, но и

трансформацией культурных практик, что в итоге привело к формированию уникальной тибетской буддийской традиции, в том числе ритуала цам, который стал не только способом духовной практики, но и инструментом передачи знаний, способом художественного выражения и утверждения буддизма как ключевого элемента тибетской культуры. Для понимания феномена буддийской мистерии цам очень важно учитывать, что ее появление связано с невербальной формой передачи буддийского учения и достижением конечной цели просветления.

Возникновению разнообразных форм ритуала цам, в которых отражаются как религиозные, так и художественно-эстетические особенности каждой традиции, посвящен **раздел 1.2. Формирование школ буддизма и исполнительской традиции цама**. На протяжении истории буддизм в Тибете представлен четырьмя основными направлениями – Ньингма, Кагью, Сакья и Гелуг, каждая из которых внесла существенный вклад в развитие и обогащение мистерии цам.

В исследовании особое внимание уделяется осмыслению роли духовного лидера – Учителя как ключевой фигуры в процессе становления религиозно-художественных школ. Среди них – Падмасамбхава, Гуру Чованг, Кхьюнпо Налджор, Кхон Кончог Гьялпо, Цонкапа. Несмотря на то, что их деятельность относится к разным историческим эпохам, их объединяет единое мировоззренческое и эстетическое пространство, проявляющееся в общей направленности духовной практики и в стилистических особенностях исполнения мистерии. Каждый из этих Учителей не только был носителем и транслятором философско-религиозных идей тибетского буддизма, но и выступал как харизматичный организатор сакрального действия, играя роль своеобразного художественного руководителя в широком культурном контексте. Благодаря их усилиям мистерия цам получила систематическую организацию и художественное оформление, что позволило рассматривать её как ядро религиозно-художественной школы. Каждая из школ не только адаптировала ритуал к собственным доктринальным установкам, но и выработала уникальные выразительные формы, включая хореографические, музыкальные, визуально-символические и драматургические элементы. Это привело к формированию многочисленных локальных интерпретаций цама, отличающихся стилем исполнения, композиционной структурой и образной системой.

Раздел 1.3. Природа танца тибетской религиозной мистерии цам.

Ритуальные представления цам исполняются ламами, прошедшими определенную танцевальную подготовку, в масках, в сопровождении духовых и ударных инструментов. Цам принимает за основу танцевальную структуру, используя при этом язык танцевальных движений, но в качестве ядра он включает суть религиозного вероучения и демонстрирует устрашающую силу богов. Цам при помощи языка танца визуализирует и облегчает понимание сложных для восприятия религиозных доктрин. Из-за ограничений, связанных со специфичным содержанием и религиозными целями, цам всегда придерживается строгих движений, костюмов, масок, музыкального сопровождения и формы танцевального исполнения. Это не просто танец, а сакральное действие, имеющее многослойную структуру. В основе движений лежат девять танцевальных поз, разделённых на три группы. Их можно классифицировать по телу, языку и смыслу: к трем телесным позам относят очаровательную, героическую и отвратительную; к трем языковым позам относят свирепую, нелепую и ужасную; к трем смысловым — позы сострадания, могущества и мягкости. Каждое движение и жест в цаме обладает символическим значением. Например, медленные, размеренные шаги выражают спокойствие и сосредоточенность, тогда как резкие, быстрые движения – проявление гнева защитников учения. Повороты и вращения отражают колесо сансары, а прыжки и удары ногами символизируют победу над иллюзиями.

Каждый вид цамы имеет свои отличительные особенности, связанные с некоторыми различиями в религиозных учениях тех или иных монастырей и школ, а также различными буддийскими религиозно-мифологическими сюжетами, исходя из содержания которых, определяется, из каких частей будет состоять цам, и количество его исполнителей. В итоге танцы, входящие в цам, образуют единое содержание ритуального действия. Каждая часть танца состоит из сольного, дуэтного и группового (3–4 исполнителя) выступлений и танцев больших групп исполнителей. Основные танцевальные движения, используемые в цаме: поступь тигра (поступь-поведение, мягкое наступает на твердое); прыжок льва; расправленные руки-крылья; маховые движения обеими руками вправо и влево; расправленные крылья и поворот вокруг своей оси; обхват поясницы двумя руками; подпираание неба одной рукой; две руки поднимаются по направлению ветра, после чего выполняется поворот в приседе и т.д. Основу этих движений составляют — раскачивание, скручивание, встряхивание и

подрагивание. Движения ног включают прыжки, переходы, подпрыгивания, перемещение. Самая большая особенность цам состоит в том, что почти в каждом танцевальном фрагменте встречается «нулевой танец». В концепции экологии танца «нулевой танец» является противоположностью «динамического». Ситуация, при которой определенная часть тела находится в статичном положении, может называться нулевой динамикой этой части тела.

Состояние полной телесной и дыхательной неподвижности в традиции мистерии цам определяется как «нулевой танец». Это особая фаза ритуального действия, характеризующаяся абсолютной статикой, при которой центр тяжести тела переносится на одну ногу, тогда как вторая слегка согнута и приподнята вперед, носок вытянут, корпус выпрямлен, а вся поза при этом сохраняет лёгкость и внутреннюю собранность. Данный элемент танцевального языка обладает важной функциональной и символической нагрузкой, являясь ключевой характеристикой цамы как религиозно-танцевального ритуала.

Статичная поза в цаме представляет собой не просто момент пластической выразительности, но и пространственную метафору глубинной идеи буддийского учения. Взаимосвязь между исполнителем и сакральным образом божества реализуется в этой позе как особая психофизическая система «человек — божество» или «человек — скульптура», воплощающая принципы медитативного сосредоточения и преодоления страданий — одного из центральных понятий буддийской философии. Подобная организация тела в пространстве символизирует путь к освобождению от чувственных привязанностей и обретению просветления.

В диссертации представлены графические материалы с изображениями характерных позиций, используемых в танце цам, что позволяет визуально проанализировать структурные особенности религиозного движения и его философскую символику.

Характерными чертами танца цам являются танцевальные шаги ног, являющиеся основой, и жесты рук, являющиеся вспомогательными по отношению к шагам. Жесты рук очень богаты и разнообразны. Они передают сокровенный смысл религиозного танца через определенное положение пальцев. В своей основе они имитируют различные положения (мудры) рук будд и имеют определенные значения. Руки могут подниматься вверх, приподниматься, резко отбрасываться и т. д.

Одной из характерных структурных особенностей мистерии цам является её ориентация на круговую организацию пространства и движения. Как ритмическая основа, так и сценическая композиция, включая мизансцены и последовательность танцевальных элементов, подчинены принципу круга, который в буддийской символике выступает метафорой космического порядка, цикличности бытия и бесконечного движения по пути духовного развития. Такая пространственно-пластическая схема отражает не только эстетические, но и философские установки буддийской традиции, придавая ритуальному действию глубинный сакральный смысл. Таким образом, важнейшая черта ритма цам — «рисование круга», составление изображения в круге и движение по кругу, а «круг» — это линия и траектория, образованная «вращением». Круг — своеобразный символ бесконечной повторяемости. Цам как религиозный ритуал, с точки зрения экстатического состояния его исполнителей, их движений, темпа и ритма есть отражение того, что в буддизме именуется «Кругом сансары». Все эти виды круговых движений образуют постоянно меняющийся и в тоже время непрерывный поток буддийского круговорота, с понятием безначального и бесконечного потока рождений в сансаре. Таким образом, посредством тантрического ритуального танца цам верующие познают буддийское учение, которое помогает им сделать их существование в сансаре более осознанным, с помощью благих заслуг обрести возможность освобождения от страданий и достичь просветления.

Маски, используемые в цаме, создают некоторую пространственную дистанцию между исполнителями и зрителями. Благодаря этой дистанции возникает ощущение непроницаемости, неуловимости, туманности и бесконечности. Это позволяет исполнителям с помощью маски не только придерживаться канонических требований, но и выразить свою индивидуальность. Когда исполнители монахи и почитатели миряне находятся в некоторой пространственной перспективе друг от друга, будучи разделенными маской, они невольно начинают выделять предметы и себя, отбрасывают предубеждения и предрассудки, отрекаются от привычки постоянного пребывания в обыденной действительности и начинают осознавать наличие в себе природы Будды. В конечном итоге, такая перспектива, созданная маской, символизирует конечность жизни и неизбежность смерти как две составляющие одного круга сансары. Кроме того, за маской скрывается напряжение жизни: жизнь и смерть – это, на самом деле, две стороны одного лица. Маска в ритуале

- предмет веры, маска отражает содержание ритуала, выраженное игровым моделированием означаемого образа.

Раздел 1.4. Музыка мистерии цам. Музыкальное сопровождение мистерии цам представляет собой неотъемлемую часть ритуального действия, выполняя не только функцию фона, но и играя структурообразующую роль в организации сценического пространства. Музыкальный ансамбль, сопровождающий цам, включает три основных группы инструментов: *аэрофоны* (тунцин, ганлин, цзялин, дунгар), *мембранофоны* (энъя, дамару, ацин) и *идиофоны* (буцин, чжибу). Эти инструменты составляют основу монастырского оркестра, однако в зависимости от местных традиций и конкретной монастырской школы состав ансамбля может варьироваться и дополняться иными звучащими средствами.

Несмотря на относительно ограниченный инструментальный состав и специфические акустические характеристики каждого инструмента, музыкальная ткань мистерии отличается богатством фактуры, выразительностью и способностью формировать насыщенные звуковые образы. Центральное место в оркестровой партии, как правило, отводится *цзялиню* — тибетскому инструменту, подобному гобою, звучащему в ритуалах, посвящённых мирным божествам. Он исполняет мелодии, построенные на диатоническом звукоряде, и не используется одновременно с *ганлином* - медным духовым инструментом, предназначенным для сопровождения танцев гневных божеств. *Тунцин*, обладающий мощным и низким звучанием, исполняет устойчивые мелодические линии, вступая в звуковой диалог с голосом цзялиня.

Ударные инструменты в музыкальной структуре цам несут значительную смысловую и ритмическую нагрузку. Под общим наименованием *энъя* объединяются различные типы барабанов, среди которых выделяется малый ручной барабан, используемый при чтении сутр и в моменты танцевальных эпизодов. Игровая техника может включать вращение инструмента и удары палочкой по деревянной раме. Крупный барабан символически соотносится с грохотом грома и образами мифологического дракона. *Буцин*, выполненный в форме парных медных чаш, является ключевым ритмическим элементом, задающим акценты и темп ритуального действия. Инструменты *ганлин*, *дамару* и *чжибу* органично встраиваются в общую звуковую ткань, внося яркие колористические оттенки и подчеркивая ритуальную атмосферу.

Музыкальная драматургия цам строго синхронизирована с танцевальными движениями и сценическим развитием ритуала. Звуковая палитра варьируется от медитативно-спокойных, созерцательных эпизодов до напряжённых и экспрессивных фрагментов. Определённые темброво-ритмические формулы и инструментальные сочетания соотносятся с конкретными божествами или духами, образ которых воплощается в танце. Благодаря этому достигается особая сакральная наполненность действия и обеспечивается его глубокое символическое воздействие.

Глава 2. Монгольский цам (чам) Внутренней Монголии КНР: историко-культурный контекст. Монгольский цам Внутренней Монголии КНР, несмотря на свою очевидную связь с тибетской, а также с монгольской традицией Республики Монголия, приобрел уникальные черты, отражающие специфику региональной монгольской культуры и религиозных представлений. Его развитие шло параллельно с распространением тибетского буддизма в Монголии, но не ограничивалось механическим заимствованием ритуалов. В процессе адаптации мистерия цам впитала в себя элементы шаманских верований, традиционного монгольского искусства и этнических представлений о божественном.

Раздел 2.1. Происхождение, художественная характеристика и культурная коннотация тибетского цам. Истоки монгольского цам восходят к XIII в., когда Монгольская империя установила тесные связи с Тибетом. В этот период буддийские монахи активно распространяли тибетский буддизм среди монгольской знати, что способствовало переносу религиозных традиций, включая ритуальные танцы. Однако тибетский буддизм не был принят народной массой, да и монгольские шаманы (бөө) не собирались уступать свое место буддийским монахам. Принудительное распространение, давление представителей тибетского монашества встретило сопротивление со стороны простого народа. С падением Юаньской династии влияние тибетского буддизма среди монголов достаточно быстро исчезло, цам прекратил свое существование в Монголии, а шаманизм и тенгрианство по-прежнему сохраняли свое доминирующее положение как основные религии монгольского народа. Победа тибетского буддизма над монгольским шаманизмом произошла в XVI в. Однако буддизм не смог полностью изжить шаманизм в монгольской степи и был вынужден сосуществовать с ним, подобно тому, как он сосуществовал с религией бон в Тибете. Буддийские наставники осознавали, что насильственное навязывание

вероучения способно привести лишь к внешнему принятию буддизма, не сформировав у населения подлинной религиозной убеждённости. В связи с этим в процессе вытеснения шаманизма была реализована традиционная для тибетского буддизма стратегия гибкой ассимиляции наиболее почитаемых элементов исконной народной религии. Так, в состав защитников буддийского учения был включён популярный в народной среде культ Белого старца (Цагаан эцэг), для чего буддийскими монахами был составлен апокрифический текст «Сутры Белого старца», а также специальные тексты сангов — ритуальных воскурений духам-хозяевам местностей, проводимых на священных возвышениях (оба), ранее связанных с шаманской практикой жертвоприношений. Ещё одним важным шагом на пути буддийской адаптации шаманских элементов стало создание «Сутры созвездия Семи старцев», с целью включения древнего обряда поклонения созвездию Большой Медведицы в буддийскую ритуальную традицию.⁴

Чрезвычайно эффективным средством для укрепления тибетского буддизма в широких слоях простого населения стала активная практика традиционной тибетской медицины, из которой впоследствии сложилась и монгольская система лечения.

Широкое распространение цам среди монголов получил в XVI–XVII вв., когда школа буддизма Гелуг утвердилась как главенствующая в Монголии. В этот период монгольские ханы начали покровительствовать буддийским монастырям, что способствовало формированию уникальной монгольской версии мистерии цам. Монгольский цам в своей основе хотя и был продолжением тибетского цама, однако наполнившись естественной монгольской спецификой, обрел черты самобытности в своем содержании. В нем сформировались свои художественные формы, которые к тому же, были подчинены определенным региональным традициям исполнения цама в разных монгольских монастырях.

В отличие от тибетской традиции, в которой цам исполнялся исключительно в монастырях, монгольская версия ритуала имела более широкий

---

⁴ Обо — каменная насыпь, культовое сооружение монголов, сложенное из камней. Поклонение обо происходит из традиций шаманизма, которые позже были восприняты буддизмом. Подтверждают это определение слова ламы Дабури Баяр: «Раньше они чётко разделялись: шаманизм был шаманизмом, а буддизм — буддизмом. Сейчас их уже сложно различить, во многих местах они смешались. Например, ритуалы поклонения обо: раньше это было шаманским обрядом, а теперь ламы тоже приходят на поклонение обо, чтобы читать сутры». См. Приложение. Интервью автора (2019).

общественный охват. Постепенно мистерия стала не только элементом храмовой службы, но и значимым событием в общественной и культурной жизни монгольского общества. Появилась традиция проведения цама не только во время крупных буддийских праздников, но и в честь важных исторических событий, коронации ханов, военных побед и других значимых дат.

Раздел 2.1.1. Художественные особенности монгольского цама.

Монгольский цам отличается от тибетского рядом художественных и стилистических и сюжетных особенностей. С точки зрения содержания монгольский цам можно разделить на сюжеты укрощения демонов, восхваления буддийского учения, а также биографические истории героев. Важным является структура мистерии. В ней сочетаются ритуальные действия, театрализованные сцены, взаимодействие с публикой, музыкальные и поэтические вставки. Некоторые эпизоды имеют комедийный оттенок, что делает представление более доступным для зрителей и усиливает эмоциональную вовлеченность аудитории. В этом проявляется особая черта монгольского цама: его способность одновременно быть религиозным обрядом, художественным выступлением и средством передачи знаний.

Костюмы и маски в монгольском цаме также обладают самобытными чертами. Одним из важнейших различий между тибетским и монгольским цамом является символическое значение **масок**, используемых в представлениях. Среди монголов они были не просто культовыми объектами, но и отражением этнической идентичности и национальной мифологии. Уделялось большее внимание деталям и орнаментам, отражающим национальную эстетику. В масках персонажей можно найти традиционные монгольские узоры, символизирующие элементы природы, духов и героев эпоса. На характерных чертах тех или иных персонажей отразились и колористические вкусы монголов. Для масок цама традиционно используются пять цветов: синий, красный, желтый, белый и черный. Монголы чаще используют из этого традиционного цветового спектра те, которые больше отвечают их эстетическим и ментальным предпочтениям. Широко использовались цвета с особым символическим значением: белый (мудрость и благородство), синий (небесное начало), красный (энергия и сила), чёрный (защита и устрашение врагов).

Особенности танцевальных движений монгольского цама. Цам, объединивший в себе монгольские и тибетские танцевальные элементы, берет свое начало в тибетских религиозных танцах. Даже по прошествии длительного

времени бытования монгольского цамы, в нем прослеживаются характерные черты тибетского танца, в частности значительное внимание уделяется статичной позе, столь характерной для тибетского цамы. Интеграция с элементами монгольского шаманского танца придала монгольскому цаму уникальный национальный колорит. Одной из ключевых черт является более свободная структура танцевальных движений, в которых сильнее проявляется влияние монгольских народных танцев. Монгольские танцовщики цамы активно используют энергичные, размашистые движения, характерные для традиционных монгольских боевых и шаманских танцев. В отличие от тибетского цамы, в котором движения носят ритуально-символический характер, в монгольском варианте они более динамичны и экспрессивны. Несмотря на то, что цам был строго регламентирован в своем танцевальном и музыкальном наполнении конкретным и лаконичным буддийским сюжетом, образы персонажей в исполнении монахов в монгольском цаме обретали живость, а в выразительную технику танца цам органично интегрировались элементы шаманского танца. Слияние элементов шаманского и буддийского танца в цаме в единое целое – одно из особенностей монгольского цамы.

Тибетский цам придает особое значение движениям в области талии и ног. У монголов движения талии и бедер крайне разнообразны и активны, поскольку эта часть тела лучше всего передает энергию и динамику танца, но важен и «нулевой танец». Движения ногами в основном включают в себя вращения одной ногой, повороты в приседе, постановки на колени, вибрации в коленях. Танцоры уделяют особое внимание движениям плеч и рук. Руки непрерывно и ловко совершают махи, подобно крыльям птиц в полете. Исполнитель размахивает и потряхивает руками, сопровождая поворотами кистей. К примеру, при исполнении комического персонажа исполнитель-лама попеременно скачет на левой и правой ногах, поднимая их в коленях, а также приседает на корточки, уделяя внимание движениям верхней части тела. Таким образом, сохранены основные движения тибетского цамы, в том числе прыжки, наклоны, а также повороты в приседе, и введены характерные для монгольского танца движения плечами и кистями рук.

После того, как цам закрепился в религиозной традиции буддийских монастырей Внутренней Монголии, его очевидной характеристикой стала интеграция с элементами монгольского шаманского танца, который придал монгольскому цаму самобытный национальный колорит. Несмотря на то, что цам

был строго регламентирован в своем танцевальном и музыкальном наполнении конкретным и лаконичным буддийским сюжетом, образы персонажей в исполнении монахов обретали живость, а в выразительную технику танца органично интегрировались элементы шаманского танца. Слияние элементов шаманского и буддийского танца в цаме в единое целое — это одна из особенностей монгольского цамы.

Раздел 2.1.2. Символическое значение и культурное содержание цамы.

Монгольский цам, как и его тибетский прототип, выполнял не только религиозные, но и социальные функции. Он играл важную роль в утверждении буддизма среди кочевых народов, помогая интегрировать новые религиозные представления в традиционный миропорядок. Через мистерию цам ламы могли демонстрировать простым людям буддийские догматы, объяснять концепцию кармы и иллюзорности мира. Важную роль в символике цамы играют персонажи, представляющие как буддийских божеств, так и мифологических героев. Танцоры, изображающие защитников учения, исполняют ритуальные движения, символизирующие победу света над тьмой, духовного знания над невежеством. Кроме того, цам часто сопровождается дополнительными ритуалами очищения пространства, подношения богам и изгнания злых духов. Многообразие символических форм цамы означает, что каждый символ посредством простых форм выражает глубокий спектр событий и явлений.

Мистерии цам исполняются в монгольских монастырях во время буддийского ритуала пуджи в момент окончания старого и наступления нового года, затем — во время проведения других ритуалов пуджи. Соответственно, мистерия цам связана с символическим календарным празднеством умирания старого и рождения нового года, символизирует избавление от прежних бед и призывание удачи и счастья в новом году. Среди монголов-буддистов сложилось представление о том, что ритуальной мистерии цам подвластно искоренение ересей, излечение недугов, изгнания из тела человека всех болезней и нечистот. По утверждению ламы Рехи из храма Дачжао во Внутренней Монголии, «танец цам способен излечить 404 болезни в человеческом организме». Некоторые пожилые люди приходят в храм в сопровождении близких для того, чтобы излечиться с помощью цамы и увеличить продолжительность жизни.

Монгольская мистерия цам как результат синтеза шаманизма и буддизма являет различного рода феномены. Цам в своей танцевальной форме всесторонне раскрывает важный вопрос спасения человека уже в этой жизни,

что служит причиной его популярности в современном обществе. Мистерия объясняет людям как правильно преодолеть состояние бардо (промежуток между смертью и новым рождением), а также указывает путь освобождения для себя и спасения всех живых существ сансары. Мистерия цам в полной мере раскрывает людям буддийскую концепции жизни и смерти.

Как неотъемлемая часть монгольской религиозной жизни цам не существует статично и изолировано, а развивается, сохраняя при этом собственные сущностные элементы. Как важная часть религиозной жизни монгольского этноса цам неизбежно подвергается постепенным изменениям в условиях меняющейся социальной среды. Монгольский цам хранит в себе культурное знание о монгольских этнических группах, служит своеобразным мостом между духовным и эмоциональным миром человека, а также символом, демонстрирующим инклюзивность и разнообразие монгольской культуры.

Раздел 2.2. Мистерия цам во Внутренней Монголии (на примере храма Гуанцзунсы). Одним из важнейших центров буддийской мистерии цам во Внутренней Монголии является храм Гуанцзунсы. Этот монастырь, основанный в XVIII в., стал одним из главных духовных центров региона, где регулярно исполнялся ритуальный танец цам.

Раздел 2.2.1. Исторические сведения о храме Гуанцзунсы. Храм Гуанцзунсы был построен в 1757 г. в аймаке Алашань. Его основание связано с деятельностью монгольских буддийских монахов, которые стремились утвердить школу Гелуг в регионе. Со временем храм превратился в крупный религиозный центр, в котором проходили не только монастырские службы, но и масштабные религиозные представления, включая мистирию цам. В период расцвета в храме проживало более 1500 монахов, а ежегодные представления цама привлекали тысячи паломников. Однако в XX в. храм пережил череду разрушений: во время Культурной революции он был практически уничтожен. Восстановление началось лишь в 1980-х гг., когда китайские власти стали более терпимо относиться к буддийской традиции.

Раздел 2.2.2. Мистерия цам в храме Гуанцзунсы. Датами проведения мистерии цам в храме Гуанцзунсы были 29-й день двенадцатого лунного месяца и 16-й день первого лунного месяца каждого года. В первую дату проводилась мистерия, посвященная изгнанию демонов и обретения благополучия в наступающем году. Во вторую дату мистерия устраивалась для паломников с целью укрепления их веры. В мистерии цам храма Гуанцзунсы существовала

градация ролей главных и обычных божеств. Исполнители главных божеств надевали специальные одеяния с треугольными рукавами, а исполнители ролей обычных божеств — монгольские платья. За исключением отдельных богов, таких как Алгил, главные божества должны были обряжаться в одеяния определенных цветов. Для других персонажей костюмы могли подбираться под цвет маски, статус и функции персонажа. Особое внимание в диссертации уделяется наиболее почитаемому божеству мистерии – богу-оленю. Сцена бога-оленя в мистерии цам – это сольный танец, отличающийся сложной исполнительской техникой.

Цам в храме Гуанцзунсы отличается строгой регламентацией и высокой степенью ритуальной значимости. Он включает в себя 14 сцен, каждая из которых имеет чётко определённое содержание и символику. Каждый эпизод сопровождается чтением мантр, использованием специальных жестов мудр, танцем и игрой на музыкальных инструментах.

Кульминацией представления является сцена уничтожения *линкэ*, символизирующая окончательную победу буддийского учения над силами хаоса. В этот момент танцоры, изображающие богов, выполняют ритуальные движения, направленные на изгнание тёмных сил, после чего маски демонов уничтожаются, а пространство очищается молитвами.

Вторая глава диссертации показывает, что монгольский цам представляет собой не просто адаптацию тибетской мистерии, а самобытное явление, впитавшее в себя особенности культуры и религиозных верований монголов. Его эволюция шла в направлении большей театрализации, экспрессивности и интеграции местных традиций, что сделало его важной частью культурного кода монгольского народа. Монгольский цам отличается особым стилем исполнения, уникальной трактовкой персонажей и расширенным символическим содержанием, что подтверждается традициями храма Гуанцзунсы.

Глава 3. Преемственность традиций исполнения цама в Монголии и в буддийских регионах России расширяет исследование, анализируя преемственность традиций цама в Монголии, Бурятии, Тыве и Калмыкии. Автор рассматривает, как советский период отразился на сохранении буддийских ритуалов, включая цам, и как происходило их возрождение в постсоветское время. В этой главе содержится сравнительный анализ региональных особенностей исполнения цама, выявляются как общие черты, так и уникальные адаптации. В *Монголии* он развился в самостоятельную художественно-

религиозную форму, в *Бурятии* обрел театральные элементы, в *Тыве* тесно переплелся с шаманизмом, а в *Калмыкии* прошел процесс возрождения после долгого перерыва.

Сегодня цам продолжает играть важную роль в сохранении этнокультурного наследия буддийских народов. Его возрождение стало важным шагом в укреплении буддийской идентичности и культурной преемственности, что делает его не только объектом религиозного поклонения, но и важной частью мирового нематериального наследия.

В Заключении сформулированы основные выводы и положения диссертации. Проведённое исследование, посвящённое анализу мистерии цам и её адаптационных форм в среде монгольских народов Внутренней Монголии КНР, позволило существенно расширить представление о региональной специфике тибетского буддизма и его ритуально-художественных практик.

В рамках работы были введены в научный оборот ранее не исследованные архивные материалы на тибетском, монгольском, китайском и старомонгольском языках, что обеспечило возможность комплексного анализа локальных форм цам, их трансформаций и адаптации в культурной среде монгольского этноса.

Установлено, что монгольский цам, сохранив буддийскую доктринальную основу, приобрёл уникальные черты, обусловленные взаимодействием с шаманскими верованиями, этнографическими особенностями и социокультурными условиями. При этом мистерия сохраняет свою актуальность в современном культурном пространстве, функционируя как форма духовного выражения и культурной идентичности.

Цам проанализирован как междисциплинарный феномен, сочетающий религиозный ритуал и элементы художественного действия — танца, музыки, масочного театра и костюмированного действия. Работа выявляет стилевые особенности ритуала, специфику выразительных средств, а также символику, отражающую буддийские представления о мироздании и человеческом существовании.

Доказано, что мистерия цам выполняет важную функцию в системе культурной преемственности, обеспечивая передачу духовных ценностей и формируя устойчивую связь между поколениями. Как объект культурного наследия, цам обладает высоким исследовательским потенциалом и представляет интерес для дальнейших научных разработок в области

буддологии, искусствоведения, религиоведения и этнокультурных исследований.

Публикации автора по теме диссертации

В научных журналах из Перечня ВАК при Минобрнауки России:

1. Ван Ли. Монгольский цам: истоки и художественные особенности / Ли Ван // Временник Зубовского института. – 2023. – № 1 (40). – С. 184–195. [0,9 а.л.]
2. Ван Ли. Мистерия Цам храма Гуанцзунсы / Ли Ван // Бюллетень международного центра «Искусство и образование» / Bulletin of the International Centre of Art and Education / Ли Ван. – 2024. – № 2. – С. 123–128. [0,5 а.л.]
3. Ван Ли. Символические и аллегорические образы языка танца Цам / Ли Ван // Вестник Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой. – 2024. – № 2(91). – С. 69–80. [0,6 а.л.]

Публикации в прочих изданиях:

1. Ван Ли. Монгольский Чам: психолого-лечебный аспект / Ли Ван // Психическое здоровье. – 2023. – Том 18. – № 4. – С. 18–19. [0,1 а.л.]
2. Ван Ли. Магическое, обрядовое, развлекательное в мистерии Цам / Ли Ван // Традиционная культура: творчество, поведение, ритуал: тезисы докладов и сообщений Международного конгресса «Фольклор народов России и стран СНГ». – СПб.: РИИИ, 2020. – С. 24. [0,1 а.л.]
3. Ван Ли. О целительном потенциале монгольского чам / Ли Ван // Человек в традиционной культуре. VI Международный конгресс «Фольклор и традиционная культура народов России и стран СНГ»: Тезисы докладов / отв. ред. С. В. Кучепатова. – СПб.: РИИИ, 2022. – С. 17–18. [0,1 а.л.]
4. Ван Ли. Роль личности в формировании различных направлений тибетского Цам / Ли Ван // Творческая личность в традиционной культуре: Материалы VIII Международной Школы молодых фольклористов. – СПб.: РИИИ, 2024. – С. 144–157. [0,9 а.л.]